

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Бабашкин В.В.

**К вопросу об истории изучения сельских сообществ
в России**

Москва 2016

Бабашкин В.В., профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Экономического факультета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2015 год.

Мне неоднократно приходилось анализировать в научной печати причины массового перехода наших историков и других обществоведов в 1990-е гг. на сторону «идеологического противника». Бастионы научного коммунизма, десятилетиями казавшиеся несокрушимыми покидались многими коллегами в срочном порядке и с каким-то, я бы сказал, мстительным сладострастием: ага, не вышло, мол, из коммунизма той самой науки, которая всеильна, «потому что оно верно», так мы добъём его из всех калибров антикоммунизма. А калибров в арсенале последнего было более чем достаточно, и все они любезно предоставлялись нам тогда нашими заокеанскими «друзьями и партнерами». На первый взгляд, это как-то нелогично, абсурдно даже. На второй – вполне логично. И этот второй лучше всего фокусируется при помощи оптики крестьяноведения, специализирующегося на рассмотрении абсурдов и парадоксов деревенской повседневности.

Логика здесь простая: чем сильнее оптическое приближение к земле, к сельской реальности, тем меньше остаётся места и желания для «политической трескотни», т.е. для идеологических обобщений типа «социализм или капитализм – план или рынок». История изучения сельских сообществ в нашей стране полна подлинного драматизма. Для поддержания научного коммунизма, или марксизма-ленинизма, в статусе государственной идеологии в СССР события этой истории подлежали умолчанию и забвению.

Так, нэповские 20-е гг. историки могут трактовать по-разному. Когда-то школьников и студентов учили, что это был период временного отступления от принципов социализма и плановой экономики с целью использовать все средства для восстановления экономики из руин. После «перестройки» стали всё больше писать о том, что это было едва ли не самое блестящее доказательство того, как работает «невидимая рука рынка», порождая невиданные темпы роста в восстановительный период. Однако не

следует забывать, что это было ещё и «золотое десятилетие» советского краеведения, по выражению С.О. Шмидта [1]. С окончанием Гражданской войны до предела обострилось понимание, насколько необходима *адекватная* наука об обществе, причём не об обществе как таковом, а о конкретном российском обществе, аграрно-крестьянском, каким оно было тысячу лет, только-только выходящим из долгих и разрушительных войн.

Это было понятно В.И. Ленину как ведущему партийному теоретику, от которого требовалась разработка научной основы текущей политики, теоретический ответ на практический вопрос, что делать дальше. Его нэповский разворот во внутренней политике буквально на сто восемьдесят градусов можно рассматривать как отказ от прежних взглядов на деревню, в которой тогда оказалась львиная доля советского населения. Дальнейший поиск научных ответов на вопросы аграрного развития отразился в последних статьях и письмах вождя, прежде всего «О кооперации». А это уже в советской историографии превратилось в «ленинский кооперативный план», нашедший – в советской же историографии – своё воплощение в коллективизации 30-х гг. (что в коллективизации нашло своё воплощение на самом деле – это отдельный и очень сложный вопрос [см.: 2]).

Т. Шанин со свойственным ему полемическим задором назвал ту статью Ленина его «четвёртой с половиной аграрной программой». И это был вызов английского учёного советским партийным историкам, поскольку его работа «Четыре с половиной аграрных программы Ленина: крестьяне, интерпретаторы Маркса, русская революция» была опубликована в 1989 г. [3]. А ведь это как раз на излёте горбачёвской «перестройки», когда многим из партийных историков уже пора было собираться «на заранее подготовленные позиции» (они, напомню, были подготовлены не кем иным как идеологическим противником). Одним из главных удобств тех позиций, которые в войне идей приходилось спешно покидать, была привычная

трактовка всего того, что вышло из-под пера Ленина в качестве последнего слова общественной науки, неизменно находившего подтверждение в последующей исторической действительности (как в оруэлловском Министерстве правды). Но в работе Шанина показано, как ленинский «марксизм» всё время подвергался жестокому испытанию крестьянской реальностью, поскольку население сельских сообществ России никак не хотело вести себя в соответствии с «научной» теорией, и политические программы большевиков по аграрному вопросу (наиглавнейшему в России) неизменно оказывались не слишком адекватными крестьянским ожиданиям.

Однако в таком взгляде на вещи содержится не менее решительный вызов и представителям альтернативной историографии, поспешившим сменить «партийцев» в начале 1990-х гг. и провозгласившим искоренение коммунистического наследия делом своей жизни. И речь даже не о том, что нередко в рядах этих врагов коммунизма можно было обнаружить едва ли не самых рьяных из вчерашних защитников теоретических твердынь марксизма-ленинизма. Та лёгкость, с которой вчерашние идеологи коммунизма превращаются в теоретиков антикоммунизма, представляет собой хорошее доказательство того, что существует некое глубинное сходство между этими двумя теоретическими подходами к осмыслению исторической ретроспективы и перспективы. Сходство в том, что каждый из этих вариантов теории прогресса исходит из своей умозрительной схемы оптимального, наиболее прогрессивного политико-экономического устройства общества, и те детали повседневного бытия людей в анализируемых обществах, которые категорически не вписываются в эту схему, ломают «чистоту теории», и коммунизм, и антикоммунизм предпочитают игнорировать. А дело как раз в деталях, в подробностях. В этом и был вызов «Четырёх с половиной аграрных программ Ленина» адептам нарождавшегося (но, кажется, так и не народившегося в полной

мере) либерального антикоммунизма в РФ как новой государственной идеологии. Эти самые адепты дрожали (и сейчас продолжают дрожать) от ненависти ко всему тому, что было связано в российской истории с Лениным и его партией. А в статье Т. Шанина Ленин предстаёт именно как настоящий учёный, готовый отбросить любые положения красивой и логичной теоретической схемы, если они опровергаются практикой, жизнью.

С 1923 по 1929 г. в Москве издавался научный журнал «Краеведение». Вокруг него группировались люди, воплощавшие богатые традиции дореволюционной исторической науки и обществоведения. И этим людям было понятно, что наука, ставящая своей задачей достижение более глубокого уровня знания о стране и населяющих её людях, не может не базироваться на краеведческой и региональной аналитике. Основатель журнала академик С.Ф. Ольденбург в 1927 г. сформулировал такую мысль: «Надо, чтобы каждый гражданин нашего Союза сознавал, что без краеведения мы бессильны» [1, с. 11]. В первом же номере журнала он резонно и логично указывал, что «в оборот науки и жизненной практики будет введён такой громадный систематизированный материал, что даже трудно себе представить сейчас те плодотворные обобщения, которые мы вправе ожидать» [1, с. 20].

Но в жизни тогда возобладала другая логика. Вначале были идеологические обобщения – ими противоборствующие группировки в партийном руководстве СССР оперировали как оружием (например, «кулацкое» сопротивление государственным хлебозаготовкам; критерии понятия «кулак» – кто он вообще таков; нарастание классовой борьбы по мере строительства социализма и т.п.). А уж потом победившая политическая сила заботилась о том, чтобы в научных трудах и в учебниках эти обобщения выглядели плодотворными, научно состоятельными. Отсюда понятно, почему важным аспектом партийно-государственной политики начала 30-х

гг. было уничтожение исторического краеведения. Монополия на историческое знание – непереносимое условие обоснования всякой чёткой и, тем более, жёсткой политической линии. Раскрывая этот конфликт между разными формами гуманитарного знания, С.О. Шмидт писал: «...Краеведение определяет и характер освоения прошлого, и способ переустройства настоящего: помогает определить конкретные (в условиях данной местности) направления движения в будущее, предостерегает от механического распространения на все территории и все сообщества общих умозрительных понятий о модели будущего и способах его построения» [1, с. 13].

Именно такими умозрительными понятиями (кулацкое хозяйство как капиталистическое, колхозное производство как социалистическое и т.п.) были вооружены участники конференции аграрников-марксистов в Москве 27 декабря 1929 г. Речь И.В. Сталина на этом сугубо идеологическом мероприятии выглядела, как последнее слово марксистской науки в русле заветов великого Ленина. Вопрос, как всё это согласуется с данными регионов, с крестьянскими устроениями, казался неуместным. Краеведение и регионалистика подверглись решительному разгрому [1, с. 25]. Какие-то результаты этих исследований были втиснуты в новые идейно-теоретические схемы, другие – отвергнуты и забыты. Так же было и в начале 1950-х гг., и в начале 1960-х гг., когда практическая реакция сельских жителей на укрупнение колхозов и совхозов (резкое усиление миграции в город) буквально требовала как-то корректировать догматы глобальной общественной теории (в угоду которым и проводилось укрупнение).

Так было и в начале 1970-х гг., когда оживившиеся было после «оттепели» исследования крестьянской общины подверглись мощному административному давлению как попиравшие важные догматы политической идеологии [4, с. 317-324]. Осуществлявшиеся в тот же период исследования

социально-экономических проблем колхозов, которыми в частности занимались представители экономической социологии (научно-дисциплинарного направления, основанного видными советскими экономистами-аграрниками), также, мягко говоря, не поощрялись [5]. Причина та же: практическое положение дел, выявляемое исследователями в поле, было далековато от той картины, что должна была иметь место, по идее.

90-е гг., казалось бы, принесли в этом плане большие перемены. Ушла необходимость сообразовывать результаты исследований сельских сообществ с научно-коммунистической догматикой отсталости и пережиточности мелкого личного хозяйства по отношению к крупному общественному хозяйству. Но, с другой стороны, с приходом на место прежних догматов новых: о приватизации любой ценой и любыми способами – лишь бы уйти от проклятья колхозов и совхозов – в сельских сообществах страны пошли какие-то процессы, обусловленные и резким изменением политического курса государственного руководства, и огромными переменами в социально-экономической ситуации в деревне [6]. Похоже, что если нынешнее политическое руководство страны намеревается осуществлять какую-то осмысленную и обоснованную политическую линию в развитии сельского хозяйства, оно должно, наконец, перестать бездумно вторгаться в местную жизнь с благими намерениями прогрессистского свойства – будь то всеобщая этатизация (чем, по сути, была коллективизация) или всеобщая же приватизация. Всё дело в этой всеобщности. Пора понять то, что диктует реальное региональное разнообразие и местная специфика: нет единой формулы развития сельских территорий, одинаково пригодной для всех регионов огромной страны. При разработке же разных формул для разных регионов (вплоть до форм земельной собственности) необходимо отталкиваться от исторически

сложившихся особенностей сельских поселений и социально-психологических особенностей сельского населения.

На рубеже XIX-XX вв. учёные, занимавшиеся проблематикой сельских поселений в регионах Российской империи, имели дело, прежде всего, с крестьянской общиной. Какое-то время первенство здесь по праву принадлежало экономистам народнического толка. Со временем на свои методологии в изучении этого важнейшего вопроса внутренней политики стали претендовать кооператоры, затем – марксисты. Убеждения народнических авторов, видевших в сельской общине большой нереализованный потенциал социально-экономического развития страны в целом, приходили в противоречие с энтузиазмом кооператоров. Последним сельскохозяйственная кооперация как раз таки и представлялась научным подходом к преобразованию крестьянского хозяйства в его неизбежной эволюции по пути втягивания в рынок. Точкой соприкосновения этих подходов была проблематика сельскохозяйственного районирования, разработкой которой среди представителей организационно-производственного направления (ОПН) в наибольшей степени занимался А.Н. Челинцев. В работе «Сельскохозяйственные районы Европейской России как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них» он формулирует идею о многообразии путей социально-экономического развития, которое дают многообразные по своему географическому положению, культуре и менталитету сельских жителей регионы огромной империи [7]. Такие идеи – всегда вызов тому, что принято считать наукой, *разнообразие – естественный враг обобщения*.

А к научному обобщению тогда, на рубеже XIX и XX столетий, представители образованной общественности весьма тяготели вне зависимости от того, считали ли они себя марксистами (как адептами

политэкономической теории, с наибольшим успехом претендовавшей на «научность») или полагали «наукой», скажем теорию кооперации крестьянских хозяйств. Одним из главных критериев научности (не без основания) считалась экономическая и социальная статистика. Но вот способы обращения с этой статистикой отражали, естественно, некие субъективные интеллектуальные и моральные характеристики исследователей. Чтобы лучше стало понятно, какое отношение всё это имеет к историографии сельских поселений, обратимся к монографии профессора Нью-Йоркского университета Я. Коцониса под названием «Как крестьян делали отсталыми». Отметим, что название это очень удачное, поскольку так делали и делают все любители широких теоретических обобщений на тему общественного прогресса, которым деревенская жизнь представляется сплошным идиотизмом уже потому, что только портит стройность и красоту их теоретических построений.

«Хотя кооперативные деятели игнорировали статистику межрегиональных различий, — пишет Я. Коцонис, — они полностью восприняли результаты других новых статистических исследований, быстро создавших образ социально-экономической дифференциации внутри отдельных деревень и регионов. Местные данные сводились в общие суммарные показатели, которые могли продемонстрировать вертикальную, но не горизонтальную дифференциацию, это способствовало созданию образа действительно дифференцированного “крестьянства” — но дифференцированного сходным образом по всей территории России. Статистики Западной и Южной Европы в тот период также использовали цифры, модели и сводные показатели для создания образа, например “среднего итальянца” по всей территории нового Итальянского государства и таким образом подтверждали существование единой итальянской нации» [8, с. 55]. У русских статистиков не было такой задачи: представление о единой

русской нации. Но, заимствуя у своих западных коллег методы статистического анализа (ведь западное не может не быть прогрессивным), они закономерно формировали единую модель «российского крестьянства».

Вернёмся к работе А.Н. Челинцева о сельскохозяйственных районах Европейской России, опубликованной в Санкт-Петербурге в 1910 г. Её автор, Александр Николаевич Челинцев, по существу заложил основу для того направления аграрно-экономических исследований, которое вошло славной и драматической страницей в историю российской науки под именем организационно-производственной школы, или организационно-производственного направления (ОПН). Его интерес к развитию теории районирования сельского хозяйства был, очевидно, стимулирован научной командировкой в Германию и Францию в 1904-1906 гг. для изучения практики декоративного садоводства. Хорошее знание крестьянского сельского хозяйства на родине, в частности в родной Саратовской губернии, служило основой для сравнительного анализа. Возникало представление о стадийности развития организационных форм аграрного производства в разных регионах как основе их реального разнообразия.

Учёный выступает с теорией сельскохозяйственной эволюции, исходящей из того, что характер и тип сельскохозяйственного производства в том или ином регионе мира и России определяется такими факторами, как постепенно накопленный материально-технический потенциал, уровень производственной базы, или фаза эволюции, на которой в данный момент находится региональное аграрное производство. Он призывает внимательно смотреть, какой исторический путь пройден сельскими поселениями каждой конкретной местности: «Какое наследие прошлого определяет до настоящего времени сельскохозяйственное производство» [9, с. 6-7]. При этом он допускает вероятность существования сходных форм социально-экономического развития сельского хозяйства разных районов при разных

природно-исторических предпосылках развития и, наоборот, совершенно различные организационно-производственные формы в аграрном производстве при одинаковых физико-географических и исторических условиях – в зависимости от общей «экономической обстановки», в которой исторически эволюционируют районы [9, с. 7].

В качестве главного фактора сельскохозяйственной эволюции А.Н. Челинцев определил рост населения и расширение сфер приложения труда – как в аграрной отрасли, так и в экономике в целом. Растущее население нуждается в средствах для жизни и местах работы для получения доходов, которые хотя бы минимально обеспечивали эти средства. Проблему увеличения производительности сельского хозяйства он рассматривал в увязке с очевидным ростом «денежности» хозяйств земледельцев, играющей всё большую роль в развитии направлений и форм обмена.

Свою теорию сельскохозяйственной эволюции он обосновывает объективной необходимостью интенсификации сельского хозяйства, неотрывно связанной с проблемой роста народонаселения, повышения его густоты на единицу территории. В этой связи он пишет о первостепенной необходимости анализировать географические особенности сельского хозяйства на основе не только экономических, но и демографических факторов. Особенность взгляда А.Н. Челинцева в то время по вопросам районирования сельского хозяйства состоит в недопустимости выделять сельскохозяйственные районы прежде всего по природным признакам, как это делали его современники А.Ф. Фортунатов и Д.И. Рихтер. Он утверждает, что «всякий хозяйственный район должен, прежде всего, выражать не зависящую от природы хозяйственную деятельность, а степень власти человека над природой или степень освобождения человека от её власти» [9, с. 13]. В этой связи он много пишет о материально-техническом оснащении аграрного труда, о возможном опыте межрегионального технологического

заимствования, переноса при тщательной научной проработке данной проблематики.

Учёный разрабатывает метод генетического районирования, то есть выделения групп районов, находящихся на сходной, сравнимой ступени сельскохозяйственной эволюции. Выделение таких «генетических» признаков группировки по районам развития земледелия и животноводства он рассматривает как необходимое условие при определении наиболее важных тенденций аграрного развития в прошлом, а следовательно, и предпосылок дальнейшего развития сельского хозяйства в регионах. Он призывает к дифференцированному подходу в вопросе разработки стратегий развития сельского хозяйства в районах, основываясь на их генетическом сходстве – по уровню развития, по признаку нахождения на том или ином этапе эволюционного процесса.

Генетические признаки, которые Челинцев предлагает выделять в этой аналитической работе, это «способы поддержания плодородия, изменения коих соединены с переменами в доле пахоты и с положением, ролью и экономической формой нерабочего скотоводства». Эти критерии должны использоваться при рассмотрении процессов эволюции систем сельского хозяйства: от залежной к паровой, затем к травопольной и вольной [9, с. 17]. Рост густоты населения и изменение экономической обстановки в целом также, по его убеждению, влекли за собой закономерные эволюционные изменения. Он писал о большой важности выбора группы критериев, применение которых позволяло бы наиболее точно, комплексно и ёмко отражать особенности сельского хозяйства каждого района в связи с учётом экономических и исторических факторов. Названия ряда последующих работ исследователя говорят сами за себя: «Районы Европейской России, установленные по типам организации сельского хозяйства»,

«Сельскохозяйственная география России», «К методологии сельскохозяйственного микрорайонирования».

Подобно многим своим единомышленникам, А.Н. Челинцев полагал аграрно-экономическую науку чем-то вроде непосредственной производительной силы, с энтузиазмом занимаясь приблизительно с 1914 г. разработкой теоретических основ организации «кооперативно объединённого» мелкого крестьянского производства. Он участвовал в работе многих общественных организаций, проводивших свои съезды в Москве и Петербурге по вопросам практической агрономии, медицины, селекции и семеноводства, сельскохозяйственного экспорта и т.д. И после политических переворотов 1917 г. он много пишет и публикует практические соображения по ситуации в крестьянском хозяйстве регионов России. В частности, подготовлено исследование с говорящим названием: «Опыт изучения организации крестьянского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примерах Тамбовской губернии».

Однако бурные события 1917-1920 гг. постепенно укрепляют учёного в сомнении относительно того, может ли быть востребована дальнейшая разработка научных основ аграрной эволюции регионов страны. В марте 1920 г. он решается на эмиграцию. В Белграде работает штатным профессором Сельскохозяйственного факультета Белградского университета, по командировке университета объездил всю Югославию, изучая региональные особенности организации её сельского хозяйства. Но всё время Челинцев пристально следит за развитием ситуации в Советской России, которая, казалось бы, не может не обнадёживать. И в 1925 г. при первой возможности он вместе с семьёй возвращается на родину «для продолжения прерванной событиями последних лет работы» [10, с. 176].

В 1928 г. он издаёт монографию «Русское сельское хозяйство перед революцией», в которой призывает не преувеличивать нивелирующее воздействие Мировой войны на региональные различия в показателях аграрного производства по регионам страны. Несмотря на небывало разрушительные последствия войны для экономики, «хозяйственные отношения и организационно-хозяйственные различия остались в общем в тех же самых рамках» [цит. по: 7, с. 168]. Приводя «перечень важнейших народно-хозяйственных моментов, определяющих географический облик и динамическую закономерность в организационном строе сел. хозяйства», он подчёркивает, насколько необходимо при определении политической линии в развитии аграрного производства «отдать себе ответ в пространственном размещении сел. хоз. всякой страны и, следовательно, нашей страны». Исследователь призывает уже чисто теоретически предусматривать, насколько неодинаковые сочетания означенных народно-хозяйственных моментов, связанных с расселением, «должны сказываться также в неодинаковых изменениях, пространственно и хронологически, изменениях самого сел. хоз.». Здесь Т. Шанин как составитель и научный редактор сборника хрестоматийных текстов по аграрно-крестьянским обществам «Великий незнакомец» счёл необходимым сделать такое примечание: «К этому надо, конечно, добавить разницу климатических и земельных, а также культурно-этнических условий, которые автор подразумевает как само собой разумеющиеся» [7, с. 170-171].

Естественное разнообразие путей дальнейшей эволюции в области аграрных, поземельных отношений, которое для одного из лидеров ОПН было само собою разумеющимся, и в направлении которого он предлагал вести дальнейшие исследования, к этому времени уже приходило в острое противоречие с умонастроениями партийных лидеров. Последние в жёсткой борьбе за вершину партийно-государственной власти чрезвычайно

нуждались в определении некой единой интегрирующей линии аграрной политики. Разгром ОПН, связанный с решительным разворотом партийной линии на коллективизацию сельского хозяйства в СССР, обернулся драматическими поворотами в судьбе А.Н. Челинцева. Но всю свою жизнь он оставался верным избранному направлению научного анализа, убеждённый в совершенной необходимости изучать конкретные локальные формы экономической организации сельского хозяйства, искать пути их оптимизации с учётом местного исторического опыта. «В мае 1961 г., – пишет автор научно-биографической статьи об учёном Ю.В. Бельчич, – им была закончена и направлена в Сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС рукопись монографии “Сельскохозяйственные районы СССР в 1956-1959 гг. и сопоставление их с сельскохозяйственными районами 1925-1938 гг.” (308 с.). В сопроводительном письме учёный писал: “Позволяю себе беспокоить просьбой об использовании моей работы по районированию сельского хозяйства СССР, ввиду отсутствия таковых работ в печати по целой стране и за период сорока лет, не затрачивая никаких средств на гонорар автору”. 87-лений учёный ходатайствовал “об использовании в конечном счёте своей пожизненной работы из стремления быть посильно полезным в службе подъёму сельскохозяйственной продукции Союза”.

Последний труд – “Сельскохозяйственные районы СССР” – был доработан 9 января 1962 г., за несколько дней до его трагической гибели (88-летний учёный был сбит машиной).

В 1987 г. Верховным судом СССР “за отсутствием события или состава преступления” А.Н. Челинцев был полностью реабилитирован» [10, с. 178].

С конца 1920-х гг. в нашей стране отсутствует политический заказ на изучение эволюции аграрного сектора её экономики с теоретических позиций экономической многоукладности и реального разнообразия сельских

поселений в географических регионах огромной страны. Две версии теории прогресса спорят здесь по принципу «иного не дано»: капитализм или социализм. В 1950-е гг., когда А.Н. Челинцев продолжал свою работу в области сельскохозяйственного районирования, сходной проблематикой занимались представители экономической географии. Большой интерес в этом плане представляют труды Сергея Александровича Ковалёва по проблемам сельского расселения и созданию типологий сельских населённых пунктов.

Прежде всего, он исходил из необходимости подразделения существующих сельских поселений на две категории: населённые пункты, жители которых преимущественно ориентированы на сельскохозяйственную деятельность, и несельскохозяйственные населённые пункты, в которых основу жизни составляет занятость жителей в других отраслях экономики. К последним он относил, например, посёлки вокруг научных станций, железнодорожных станций, предприятий связи, дачные посёлки, курортные базы и др. Такая классификация показывала в первом приближении внутреннюю неоднородность сельского населения страны [11]. Требовалась дальнейшая разработка типологии сельских населённых пунктов, хотя актуальность такого направления исследований в советское время считалась сомнительной. Преимущество отдавалось созданию типологий городов и посёлков городского типа, поскольку считалось, что село эволюционирует в этом направлении и «стирание граней» будет осуществляться на этих путях. Однако для С.А. Ковалёва и его единомышленников это было неочевидно.

Он разрабатывает проблематику сельского расселения, вопросы типологии сельских населённых пунктов, будучи убеждён не только в теоретическом, но и в практическом значении этой работы. При анализе его научного творчества можно выделить три основных положения, три ключевых момента: типологии населённых пунктов; типология расселения,

или территориальных сочетаний; типология взаимосвязей городских и сельских поселений. Размышляя над вопросами типологии сельских населённых пунктов, С.А. Ковалёв приходит к выводу о целесообразности параллельного составления таких типологий с опорой либо на какой-то определяющий критерий, либо на целый кластер взаимосвязанных критериев. Тот и другой пути имеют свои преимущества и недостатки. Первый способ позволяет составлять типологии, облегчающие решение неких узких, конкретных практических задач. Однако такие типологии однобоко отражают сельскую реальность, и с изменением политической задачи их значимость резко снижается. Во втором случае, типология, основывающаяся на множестве признаков, позволяет более адекватно судить о картине сельского расселения в регионах страны, но она неизбежно теряет определённую прагматическую направленность, её трудно использовать при реализации конкретных внутривополитических задач. Становилось понятно, что создать универсальную типологию на «все случаи жизни» нереально, и исследователь принимает решение о составлении нескольких параллельных типологий, которые бы дополняли друг друга. В 1963 г. в издательстве МГУ вышла обширная монография С.А. Ковалёва «Сельское расселение (географическое исследование)», вторая глава которой «Типология и районирование сельского населения» была включена в публикацию избранных трудов учёного [12, с. 121-169].

Наиболее простой и понятной выглядела задача выделения типов сельских населённых пунктов по их людности, численности населения. Использование всего лишь одного этого показателя уже давало возможность делать какие-то оценки и прогнозы социально-экономического и демографического характера. Однако усложнение задач в этой области внутренней политики требует сочетания таких демографических данных с функциональной типологией, в центре внимания которой находятся

преобладающий тип производственной деятельности населения, место населённого пункта в системе сельских поселений, его главная функция. К типологическим признакам сельских населённых пунктов С.А. Ковалёв относит и такие чисто внешние их формы, как на тип застройки и характер планировки, выделяя специальные «типичные планировочные формы».

Особый набор признаков, которые связаны с пространственным положением того или иного сельского поселения, позволяет создавать типологии расположения сельских населённых пунктов. Здесь имеют первостепенное значение две главные группы критериев. Во-первых, это характеристики экономико-географического порядка: расположение поселения относительно других населённых пунктов, транспортных путей и т.д. Во-вторых, требуется внимание к физико-географическому положению поселения: вписанность в местный рельеф, его расположение относительно водных и орографических объектов и т.д.

Одновременно С.А. Ковалёв предлагает типологизировать сельские населённые пункты по генетическому признаку. Вслед за А.Н. Челинцевым он подчёркивает необходимость анализа и учёта различий между поселениями в их историческом развитии, налагающем существенный отпечаток на их современный облик, повседневную жизнь и производственную деятельность их населения. В этой связи, по его убеждению, нельзя недооценивать фактор национального состава населения посёлка, ментальных и социально-психологических характеристик его. И здесь всегда находилась одна из самых острых точек соприкосновения между официальным идейно-политическим запросом (идеей о социальной однородности) и необходимостью исследовать реальность.

Таким образом, С.А. Ковалёв в своих работах пишет о четырёх типологиях, или, как он сам их называл, «типологических линиях», при совмещении которых типологические характеристики того или иного

региона по признакам существующих здесь сельских населённых пунктов становятся яркими и отчётливыми. По существу, возникает особая интегрированная региональная типология сельских поселений, показывающая их наиболее характерные черты, создающая определённые образы территорий.

Однако и эту картину исследователь предлагает усложнить, сделать более объёмной и пространственной, сочетая её с особыми представлениями о логике сельского расселения, о методах пространственных группировок населённых пунктов в сельской местности. Он предлагает в целом схожие типологии расселения. Как и в случае с группировками сельских населённых пунктов, в группировках по расселению выделяются и функциональный подход и генетический. Однако предлагается также учитывать и морфологию проблемы. Под морфологическим подходом при создании типологии сельского расселения Ковалёв подразумевает аналитику внешнего рисунка, конфигурации, плотности и равномерности расселения, а также того, как сельское расселение сочетается с такими инфраструктурными и природными объектами, как дороги, линии электропередач, реки, рельеф местности и т.д.

Реализация функционального подхода при анализе и составлении типологий сельского расселения предполагает выделение типов расселения по хозяйственным особенностям и характеру связей между населёнными пунктами. При этом следует учитывать, что хозяйственная специализация региона во многом определяется и природными условиями, и особенностями исторического развития. То есть, то, что принято называть генетическим, или по-другому, историческим подходом, вплетено в функциональный подход неотъемлемо, и таковой подход работает лишь как аналитическая категория. Так, например, на равнинной территории с плодородными почвами возникает земледелие с использованием крупных массивов земли; в пустынной местности исторически складывается оазисное сельское хозяйство. Однако

аналитическое вычленение функционального и генетического подходов при изучении сельского расселения помогает понять те особенности его, которые сформировались с течением времени, увидеть наложение разных исторических периодов, уловить причинно-следственные связи при изменении рисунка расселения, нарастание каких-то новых тенденций в его общей структуре.

Учёный неоднократно прибегает к конкретным примерам для достижения лучшего понимания, сколь сложно переплетаются между собой в реальной жизни результаты анализа с использованием функциональной и генетической типологий сельского расселения. «Так, – пишет он, – в современном расселении многих районов Чернозёмного центра достаточно отчётливо выделяется до сих пор пояс очень крупных старинных селений со сложной планировкой и долинным расположением, сложившийся в XV-XVII веках на бывших оборонительных рубежах Московского государства. Второй исторический слой – многочисленные, меньшие по размерам, бывшие помещичьи деревни XVII-XVIII веков, третий – масса послереформенных выселков из них, наиболее мелких, в основном вынесенных за водораздельные участки, с простой линейной планировкой и т.п.

В северных районах Целинного края, например, подобные старые исторические слои выступают несравненно слабее, но также имеются. Они представлены редкой сетью бывших укрепленных и торговых пунктов на бывших степных границах, переселенческими посёлками конца XIX – начала XX века. Более заметны новые колхозные посёлки и совхозные населённые пункты, созданные до Великой Отечественной войны. Они вместе с многочисленными посёлками совхозов, созданных в период освоения целинных земель и продолжающих строиться, составляют теперь главную основу расселения в этих районах» [12, с. 157-158].

Главный вывод, вытекающий из аналитического подхода С.А. Ковалёва, явно перекликается с главным результатом исследований А.Н. Челинцева в области аграрного районирования: нет единых и простых решений аграрного вопроса в огромной стране с использованием простых критериев, в равной степени пригодных повсеместно. Ковалёв полагает это своё убеждение настолько принципиальным, что даже прибегает к графическому изображению того, насколько глубоко взаимосвязаны и взаимообусловлены типологии сельских поселений с использованием единого критерия и кластера критериев [12, с. 126]. К сожалению, этого не хотели понимать многие из тех в руководстве страны, от кого зависело определение стратегии аграрной политики. Тогда, в начале 60-х гг. маховик унификации, сселения «неперспективных деревень» и создания «агрогородов» продолжал по инерции раскручиваться.

Следующий этап развития исследований сельскохозяйственных регионов в отечественном обществоведении связан с именем Татьяны Ивановны Заславской. Среди многих её научных трудов данная проблематика поставлена во главу угла в монографии «Социально-демографическое развитие села: региональный анализ» [13]. Как известно, с именем Т.И. Заславской связано становление такого научно-дисциплинарного направления, как экономическая социология. Тем самым подтверждается тот факт, что изучение столь важной научной проблемы наиболее целесообразно осуществлять в рамках междисциплинарных подходов. Представители ОПН называли свою науку «общественной агрономией»; представителям экономической географии при исследовании сельского расселения приходится волей-неволей становиться историками; социологи школы Заславской – это также и экономисты, и математики, и историки, и психологи.

Т.И. Заславская предлагает свою версию типологии сельского хозяйства и сельской местности: по уровню экономического и социального развития. Это была попытка создания типов регионов с разным уровнем остроты социальных и экономических проблем. Предполагалось, что на основе выделения сходных по этому признаку регионов можно было бы разрабатывать для них похожие траектории развития. В качестве объекта изучения было выбрано «полное множество сельских и городских поселений, производственная сфера которых связана преимущественно с агропромышленным сектором, а социальная – существенно ориентирована на обслуживание сельскохозяйственного населения» [13, с. 23]. Такой объект условно называли аграрным сектором.

Главным содержанием научного творчества Т.И. Заславской всегда было акцентирование внимания на социальных факторах экономических проблем. По её глубокому убеждению, недостаточное внимание к социологии экономики было большой ошибкой советского обществоведения. Это, кстати, вполне обуславливалось экономическим детерминизмом любой вариации на тему прогресса. И даже в советском варианте этой идеологии с её лозунговым «всё для блага человека...» реальный человек как-то выпадал из области социально-экономического анализа. Вместо этого в теоретических текстах фигурировал человек-функция, человек-абстракция. Заславская предлагает в этом вопросе вернуться с небес на землю, резонно полагая, что для этого лучше всего подойдёт анализ ситуации в аграрном секторе. «Если проанализировать состояние сельскохозяйственной системы “земля-техника-человек” за достаточный период времени, – пишет она, – то окажется, что 2-3 десятилетия назад слабым звеном её была техника, то время как в современных условиях им всё чаще становится человек, его квалификация, его надёжность и заинтересованность в конечных результатах труда» [13, с. 5].

Такой общий взгляд на вещи нашёл отражение в том, что оказалось в центре внимания исследователей при определении главного критерия для создания типологии сельскохозяйственных регионов. Было понятно, что выделение сходных по параметрам районов на уровне союзных республик невозможно. В этом случае построение типологии на основе использования средних показателей предполагало бы отнесение к единой категории заведомо несравнимых объектов [13, с. 34]. Необходимо было сосредоточить внимание на анализе прежде всего относительно однородных объектов, к коим никак нельзя было причислить, скажем, Украинскую ССР, Казахскую ССР и прочие союзные республики – что бы по поводу перспектив их социально-экономического выравнивания ни твердила политическая пропаганда. Наиболее однородная картина получалась при создании типологии, в основе которой анализ был бы сосредоточен на мелких административных образованиях – таких, как сельские районы или сельсоветы.

Таким образом, при определении уровня тех объектов социально-экономического исследования, на котором целесообразно и оптимально было бы проводить работу по типологизации, обнаруживалось диалектическое противоречие между их однородностью и целостностью. Чем более однородными были бы объекты для группировки по значимым признакам, тем менее крупными должны они были быть. Однако максимально целостную картину субъектов социально-экономических взаимодействий (и объектов составления типологии), способную наиболее широко охватить все социально-экономические условия жизни различных групп населения, дают достаточно крупные объекты социально-экономического моделирования. Но при этом, естественно, утрачивается однородность, выпадают из поля зрения аналитиков многие детали. Руководствуясь всеми этими соображениями, авторы анализируемой монографии при выборе объекта типологизации

остановились на областном уровне. Немаловажную роль здесь сыграло и то обстоятельство, что при исследовании реальной ситуации в аграрном секторе на низовом уровне в масштабах всей страны получение статистической информации было весьма затруднительно.

Основную цель создания такой типологии исследователи определили как «выделение крупных элементов аграрного сектора, требующих разных программ развития» [13, с. 43]. Это был смелый и оригинальный для того времени подход к изучению сельской действительности. Советское политическое руководство исходило из того непререкаемого положения научного коммунизма, что вскоре сёла превратятся в агрогорода, специализирующиеся на производстве различного рода сельхозпродукции. Сельские поселения не рассматривались как самодостаточные и перспективные населённые пункты. Точка зрения Т.И. Заславской и учёных её школы, напротив, фокусировалась на особой роли села, его уникальности для каждого региона и особых путях дальнейшей эволюции.

Центральной научной категорией, которую использовали исследователи при создании данной типологии, было понятие «социально-экономическая проблема». Формулирование таковой проблемы определяло как внутреннюю структуру исследования, так и его результаты. Под социально-экономической проблемой как аналитическим инструментом Т.И. Заславская предлагала понимать «количественно измеримое расхождение между целевым или нормативным значением какого-то социального признака» и его реальными показателями, что должно отражать «фактическое состояние региона на определённую дату» [13, с. 45]. Она также неоднократно подчёркивала, что чёткое понимание и формулирование задач долгосрочного развития экономики и социальной сферы аграрного сектора составляет не только цель и предполагаемый результат исследования

по типологии сельских районов страны, – такое понимание должно быть изначально заложено в методологию исследования.

Для определения системы целей был использован функциональный подход, реализация которого в данном случае заключалась в следующем. Учёные исходили из гипотезы о том, что о характере и глубине исследуемых проблем сельскохозяйственного района надлежит в первую очередь судить по тому, как аграрный сектор выполняет определённые для него функции, заданные в целевых программах развития региона. Функции аграрного сектора как главного объекта социально-экономического обследования предлагалось подразделять на внешние специфические, внешние неспецифические и внутренние [13, с. 46]. Продовольственно-сырьевая функция принималась за ключевую и системообразующую и относилась к внешним специфическим функциям – функциям, которые присущи только данному конкретному объекту и исполняют для него системообразующую роль. К внешним неспецифическим функциям исследователями были отнесены социально-пространственная, рекреационно-природопользовательская и демографическая функции. Общим признаком, по которому выделялись внешние неспецифические функции, предлагалось считать то обстоятельство, что эти функции могли выполняться не только социально-экономическим объектом данного исследования, но и другими подобными объектами. Под внутренними функциями аграрного сектора понималась деятельность, направленная на удовлетворение потребностей местного населения, и предлагалось выделять следующие их виды: расселенческая, производственно-трудовая, экономическая и социальная функции [13, с. 47].

Определённая группировка объектов аграрного сектора по признакам всех вышеперечисленных функций и степени их реализации открывала возможность теоретической конкретизации целей развития аграрного сектора

как в целом по стране, так и в региональном аспекте. Создавалось обоснованное представление о целесообразности осуществления такового развития в два этапа. На первом этапе должна быть определена общая направленность пространственной структуры развития. На втором этапе надлежало чётко выявить качественные и количественные параметры развития, которые служили бы индикатором достижения результата к определённом моменту времени, запланированному именно по данному показателю именно для данного региона.

Применение функционального подхода к анализу состояния и дальнейшей эволюции аграрного сектора позволяло увидеть разнонаправленность этой эволюции для каждого конкретного объекта изучения. Например, рассмотрение такой внутренней его функции, как расселенческая, позволяет говорить как минимум о двух направлениях её развития. Во-первых, констатируется усиление роли крупных населённых пунктов. Они более благоустроены, в них имеется целый спектр социальной инфраструктуры, обслуживающих учреждений. Во-вторых, местные власти при определённой поддержке центра сознательно направляют усилия на улучшение транспортной доступности локальных центров различного ранга.

Практическая значимость исследования, проведённого группой Т.И. Заславской, состояла, в частности, в выделении 27 таких конкретных направлений развития по функциям (внутренним и внешним) и регионам объектов аграрного сектора. Каждому такому направлению соответствовала своя актуальная социально-экономическая проблема. Если допустить, что развитие аграрного сектора того или иного региона можно измерить при помощи одного интегрированного показателя, то сложность и остроту проблемы возможно было бы определить по степени расхождения между запланированным и фактическим показаниями индикатора по каждому из анализируемых в регионе направлений развития. Соответственно, для

успешного сравнения разных регионов страны по этому интегрированному показателю аграрного развития следовало определять остроту проблемы в каждом регионе.

Конечно, такая задача была не под силу небольшому кругу исследователей. Важно было теоретически найти алгоритм её решения, под которое уже можно было создавать целую аналитическую структуру. В рамках же анализируемого здесь исследования, проведённого в конце 1970-х гг., было принято несколько упрощений. К примеру, было сознательно допущено, что у регионов должны быть сходные, подобные цели развития. Такое допущение было связано с тем, что в партийно-государственных документах того времени направление политики на выравнивание уровней социально-экономического развития регионов считалось несомненным и непререкаемым. В принципе это выглядело и как научный подход, и как формулировка практической задачи для социально-экономической науки по поиску оптимальных путей такого выравнивания. Поэтому допустить сходное целеполагание по регионам в области развития аграрного сектора было логично и не представлялось таким уж большим отступлением от истины. Хотя добросовестные учёные, сознательно предлагавшие вычленение внешних функций аграрного сектора в отдельную и важную аналитическую категорию, не могли не отдавать себе отчёт в том, что это всё же упрощение. К примеру, рассматривая продовольственную и рекреационную функции аграрного сектора, нельзя требовать от северных регионов (Мурманская область) такой же отдачи в производстве сельскохозяйственной продукции, как от южных (Краснодарский край или Молдавия). А перед такими регионами, как Краснодарский край или Крымская область, стояли задачи в плане туризма и рекреации более высокого уровня по сравнению, скажем, с Центральной Россией или Поволжьем.

Сознательное упрощение с необходимыми оговорками было допущено, прежде всего, с целью показать, что, в общем и целом, подход, использованный при разработке типологии, может и должен стать конструктивным средством для решения поставленных научных задач. Но для того, чтобы он мог быть реализован на практике должным образом, требуется создание специфической информационной базы и особой методики обработки данных [13, с. 54]. Сегодня, когда компьютерные технологии работы с информационными потоками достигли известных высот, такое требование кажется естественным и вполне реальным. По тем временам учёные тоже вроде бы не требовали чего-то сверхъестественного. Научный аппарат, математическая квалификация и самой Заславской, и исследователей её школы позволяли говорить о том, что описанная методика анализа положения дел в аграрном секторе страны и её регионов целесообразна и реальна. Однако требовалась институализация таких исследований, определённые бюджетные затраты (поток которых в направлении финансирования общественной науки, как известно из политической истории России, к началу 80-х гг. иссякал на целый исторический период). Но самое главное, для этого требовалось признание на доктринальном уровне огромного регионального многообразия СССР. А это, как опять же свидетельствует наша история, растянулось на все 80-е годы. После политического развала Союза в начале 90-х гг. теоретического доказательства разнообразия его регионов вроде бы уже и не требовалось – по крайней мере, на уровне союзных республик. А доктрину нам запретили иметь специальной статьёй ныне действующей Конституции. Тогда считалось, что её успешно может заменить альтернативный вариант теории прогресса – антикоммунистический, рыночно-глобалистский. Однако, как выясняется, это не так, и актуальность обращения к нашему научному наследию налицо.

Поэтому необходимо иметь в виду, что тогда, в 1980 г., основным результатом исследования экономистов-социологов по аграрному сектору СССР стала комплексная типология, которая распределила сельские регионы страны на 8 типов в соответствии с комбинацией трёх групп интегрированных показателей:

- 1) демографические характеристики населения;
- 2) расселение и социальная сфера;
- 3) развитие производственной сферы сельского хозяйства.

Данная типология была составлена из комплекса более простых типологий, учитывавших одну или две социально-экономические проблемы. Всего в комплексной итоговой типологии было учтена степень остроты всех 27 выявленных социально-экономических проблем. Разработанная типология представляет интерес не только с исторической или методологической, но и с практической точки зрения. Собранные тогда учёными и определённым образом обработанная информация по аграрному развитию регионов страны – это не только факт историографии, это возможность лучшего представления о будущем на основе лучшего представления о прошлом. Конечно, в настоящее время многие положения данной типологии устарели и не могут использоваться по прямому назначению просто в силу отсутствия того типа аграрной экономики, который и был главным объектом исследования. Но её основные принципы продолжают сохранять актуальность. На этот исторический опыт можно и нужно опираться при разработке новых типологий для современных российских аграрных регионов. И то, что время для таких разработок пришло, и то, что нам есть, на что здесь опереться в плане исторического опыта аграрных исследований, составляет удачные обстоятельства дня сегодняшнего в российской истории. Методика Т.И. Заславской создавалась для условий плановой экономики, которая в наших школьных и вузовских учебниках последних двух

десятилетий клеймилась как «командная», что служило синонимом неэффективности. Синонимом эффективной экономической модели в этих текстах служил рынок с его универсальным регулирующим влиянием как по регионам внутри стран, так и в мировой экономике в целом. Сегодня приходит понимание: всё сложнее и интереснее. Именно эта сложность вызывала живой интерес представителей отечественной науки, занимавшихся проблематикой аграрных регионов в прошлом. Их традиции и научные школы сохраняются в современном российском обществоведении.

Таким образом, выдающиеся представители таких отраслей общественной науки, как аграрная экономика, экономическая география, социология, внесли весомый вклад в развитие наших представлений о том, как выглядит проблематика сельского поселения в новейшей истории России в региональном аспекте. А что же собственно историки? На эту тему может быть написано и сказано очень много. Но в данном контексте есть смысл ограничиться тем, чтобы взглянуть на некоторые аспекты научного творчества томских историков Сергея Ивановича Толстова и Ольги Васильевны Усольцевой.

Был в нашей общественно-политической истории любопытный факт: поклёп, возведённый на учёных группы Т.А. Заславской и, прежде всего, на неё саму в том, что они и есть главные виновники печальных последствий социально-экономической политики партии на селе. Они, мол, придумали несостоятельную теорию «неперспективных деревень» и агрогородов, партия доверилась, результат налицо. Это был очень грамотный, как теперь говорят, PR-ход со стороны партийной номенклатуры. Когда и политические публицисты-конъюнктурщики вроде Ю.Д. Черниченко, и настоящие писатели-деревенщики в резонанс с общественным мнением недоумевали: что стало с деревней и кто за это ответит, подбросить публике чёткий ответ

на это вечное наше «кто виноват» было разумно, психологически точно. Сделано это было руками профессионального литератора, секретаря правления московского Союза литераторов А.С. Салуцкого. И теперь в статьях памяти академика Т.А. Заславской об этом пишут [14, с. 282-283]. С горечью вспоминала об этом и сама Татьяна Ивановна, прямо указывая, кому и зачем понадобилась тогда, в январе 1989 г., клевета Салуцкого [5, т. 3, с. 622, 637]. Но клевета сработала, как и положено любому, даже самому незамысловатому действию в этом жанре. А то была, безусловно, классика жанра. Теперь многие представители начитанной общественности прочно ассоциируют фамилию «Заславская» и словосочетание «неперспективная деревня», даже и среди профессионалов это встречается.

Материалы исследований О.В. Усольцевой подтверждают то, что, по идее, должен знать любой человек, мало-мальски разбирающийся в истории сельских расселений: «Термины “перспективные” и “неперспективные” деревни окончательно закрепились в управленческом лексиконе в 1960 г. на совещании по градостроительству в Москве» [15, с. 237]. Конечно же, Салуцкий об этом знал, просто перед ним была поставлена другая задача. О.В. Усольцева рассматривает сельское расселение как процесс, взятый под жёсткое командно-административное управление с конца 50-х гг. и продолжавшийся до середины 80-х гг., когда, вроде бы, и общественностью, и политическим руководством страны была осознана пагубность такого направления социально-экономической политики в деревне. Но это осознание совсем не означало остановку маховика этой политики. Она подчёркивает, что «изучение делопроизводственных документов тех лет (в первую очередь стенограмм различных заседаний) показывает, что термин “неперспективная деревня”, хоть и не часто, но употреблялся в высказываниях чиновников на протяжении всех 1980-х гг. Можно утверждать, что в бюрократическом сознании к этому времени деревня как

константа исторического развития оказалась вытравленной под корень» [15, с. 241].

Исследовательница отмечает интересный исторический прецедент. Весной 1950 г. тема сселения деревень впервые возникает в Томской области в связи с политикой укрупнения колхозов. Уже в апреле 1951 г. И.В. Сталиным были жёстко пресечены попытки местного руководства по практическому сселению крестьян. Однако изучение материалов областного, районного и сельского руководства фиксирует такую реакцию деревенских жителей на эти настроения наверху, как рост миграционных настроений, падение трудовой дисциплины и производственных показателей. Это можно было бы воспринимать как урок, который даёт сама жизнь: нужно быть осторожнее с сельским расселением, последствия известны и, следовательно, во многом предсказуемы. Но с приходом к власти такого социального экспериментатора, как Н.С. Хрущёв, рецидив укрупнений и сселений в нашей истории оказался неизбежен.

Очень интересна попытка О.В. Усольцевой показать, что это отнюдь не было спецификой «советского тоталитаризма», сталинизма и неосталинизма. Апеллируя к методологическому труду Дж. Скотта «Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни» [16, 17], она показывает, что энергичные действия властей по «наведению порядка» в сельскохозяйственном производстве и сельской жизни – общая закономерность для многих стран, целенаправленно осуществляющих свои программы модернизации общества. Дж. Скотт пишет о четырёх основных условиях, при которых с большой долей вероятности будет запущен тот или иной политический проект, являющийся по сути своей «благими намерениями государства» в отношении аграрного населения. Сам Скотт в своей монографии, касаясь российского исторического опыта, пытается представить таковым проектом

коллективизацию советского сельского хозяйства. О.В. Усольцева ещё более уместным полагает применение этого методологического подхода к политике сельского расселения в СССР в 50-е – 80-е гг. Если посмотреть, о каких четырёх условиях говорит Скотт, то можно констатировать достаточную степень зрелости каждого из них в нашей стране именно к концу 50-х гг. Это 1) упрощения на уровне государственной политики; 2) стремление на том же уровне руководствоваться идеологией высокого модернизма; 3) авторитарный, патерналистский характер государства; 4) обессиленное гражданское общество, неспособное сопротивляться государственному реформированию [15, с. 234].

Понятно, что, скажем, последнее условие в советской истории было лучше выражено в конце 50-х гг., нежели в начале 30-х гг., когда реакцией на политику коллективизации стали и мощные формы открытого сопротивления сельских жителей, и весь арсенал того, что сам Скотт ввёл в научный оборот как «оружие слабых» (т.е. скрытые повседневные солидарные формы противостояния политике центральной власти), и – в рамках последнего – невероятный уровень подвижности сельского населения, всех форм социальной мобильности. Третье также, в отличие от времени начала коллективизации, было уже представлено сложившейся системой партийно-государственной бюрократии. А вот первые два применительно к рассматриваемой проблеме нуждаются в особом комментарии, они глубоко взаимосвязаны.

Взаимосвязь эта – диалектическая. Известно, что сам Дж. Скотт считает центральным из этих четырёх аналитически вычлененных элементов, в комплексе обеспечивающих торжество государственной политики над самоопределением обитателей местных сообществ, второй, т.е. почти религиозную веру в научно-технический прогресс и господство над природой (включая и человеческую) [17, с. 21]. Но чем прочнее эта вера в идеалы

высокого модерна, чем более научнообразно выглядят модернистские сочинения об экономическом и социально-политическом устройстве общества, тем сильнее тяга к упрощённым управленческим схемам на уровне текущей политики. Такая вот диалектика: чем сложнее, тем проще. Забываем в очередной раз, что, по одной из самых мудрых народных поговорок, «простота хуже воровства». Если вспомнить в этом плане советский исторический опыт, в те времена понятия «диамат» и «истмат» ассоциировались с единственно-научным подходом к осмыслению прошлого, настоящего и, стало быть, будущего в эволюционно-революционном развитии общества и в этом качестве давали как бы индульгенцию на применение научного планирования всего и вся — включая сельское расселение.

Как пишет О.В. Усольцева, «создание районных планировок понималось как необходимый этап в деле организации рационального размещения капиталовложений в сельское строительство. В 1959 г. в постановлении декабрьского Пленума ЦК КПСС уже содержалось указание проектным организациям приступить к разработке схем районных и внутрихозяйственных планировок. В Программе КПСС (1961 г.) данный курс идеологически закреплялся, и его историческая перспектива стала непреложным императивом: “Постепенно колхозные деревни и сёла преобразятся в укрупнённые населённые пункты городского типа с благоустроенными жилыми домами, коммунальным обслуживанием, бытовыми предприятиями, культурными и медицинскими учреждениями”» [15, с. 235-236].

Казалось бы, простая и понятная логика: люди должны желать такого улучшения культурно-бытовых условий своей повседневной жизни, следовательно, политика партии (а партийная программа считалась воплощением последнего слова науки в обосновании основных направлений

этой политики) будет осуществляться в резонанс, будет поддержана массами, что не может не дать поразительных результатов (вроде построения коммунизма, общества мечты, к 1980 г.). Не учитывались две вещи: финансовые возможности государства по осуществлению такой политики и реальные (а не гипотетические) реакции сельских жителей на увеличение финансирования развития отношений в аграрном секторе. Когда стало ясно, что новые материальные возможности на селе оборачиваются не столько укреплением производства в том секторе колхозного производства, который (опять же, по науке) считался общественным, социалистическим, сколько ростом личного подсобного хозяйства сельских жителей, финансирование программ расселения резко сократилось. А политика по сселению «неперспективных» деревень продолжала по инерции осуществляться полным ходом, что выражалось в простом прекращении финансирования социальной инфраструктуры этих деревень.

В 1969 г. новосибирский проектный институт «Сибгипросельхозстрой» провёл проверку того, как осуществляются проекты сельского расселения в двух районах Томской области. Результат этой проверки вроде бы настораживал: удалось ликвидировать «всего лишь» 25% запланированных к сселению неперспективных деревень. Вроде бы планы партии по тем временам с такими показателями осуществлять было неприлично и неприемлемо. Однако более внимательное знакомство историка-исследователя с документами той проверки обнаруживает то обстоятельство, что даже и эти 25% вовсе не являлись отражением того, насколько выполнены запланированные расселения на провозглашённых партией основаниях и принципах. Полностью обезлюдевшие деревни оказывались результатом того, что они выпали из сферы государственного регулирования и финансирования, что сделало дальнейшую жизнь в них просто невыносимой. «Таким образом, – пишет О.В. Усольцева, – задача решалась,

но не путём запланированного организованного сселения, как оглашалось, а путём создания невыносимых условий жизни на прежнем месте жительства. Деревни, названные в середине 1960-х гг. неперспективными, существовали под этим ярлыком довольно долго, теряя одно за другим учреждения и услуги, обеспечивающие их жизнедеятельность, а также рабочие места: в них было запрещено строительство, закрывались школы, фельдшерские пункты, отменялись автобусные маршруты, переводились на центральные усадьбы фермы» [15, с. 238].

Когда в начале 70-х гг. становится ясно, что теория и практика переселения людей из неперспективных деревень, по известному каламбуру, – «две большие разницы», были предприняты попытки разработки других научных оснований для этого направления социально-экономической политики. В частности, появляются теория групповых систем населённых мест (ГСНМ), концепция опорного каркаса расселения. Но в который раз социальная жизнь деревни обнаруживает плохую совместимость с некой единой теоретической схемой. Региональное разнообразие препятствует появлению такой схемы. Так, бытовала тогда идея о том, что города должны стать центрами социального обслуживания прилегающей сельской местности. Почти «большие социальные узлы» чаяновских утопийцев [см.: 18, с. 70], разница лишь в том, что автору крестьянской утопии ещё в 1919 г. было понятно, что таковые могут существовать только вкупе с *малыми социальными узлами*, коими мыслились собственно сами сельские поселения. Поэтому такая идея в 70-е гг., хоть и была сформулирована не беллетристами, во многих ситуациях выглядела столь же утопично. К примеру, она была малоприменима к сибирским просторам, к той же Томской области с её большими размерами и малой плотностью населения. Реальность регионов опять вступала в противоречие с потребностью некой

общей интегральной теории, единого для огромной страны подхода к решению задачи.

Таким образом, в Томской области исчезновение малых деревень к 80-м гг. приобретает характер поветрия и не столько в рамках государственной политики планового расселения сельских жителей, сколько вопреки ей, несмотря на постоянные усилия государственного руководства в направлении разработки научных основ этой политики. Проведя дотошное исследование на материалах Томской области, чем в данном случае оборачивались эти усилия на практике (другие региональные исследования могут и должны отражать здесь свою специфику), О.В. Усольцева формулирует вывод весьма решительно: «От произведённых многотрудных планирований расселения эффективного сельского хозяйства так и не получилось, т.е., образно говоря, гора родила мышь. Латинская пословица гласит “*Post hoc ergo propter hoc*” (“После этого – значит поэтому”). Её не стоит воспринимать как логическую уловку, при которой причинно-следственная связь отождествляется с хронологической, она вполне приложима к произошедшему в управлении сельским расселением и деревней в целом» [15, с. 241-242].

Эта попытка философского осмысления исторической ситуации базируется у неё также и на том убеждении, что во всей той истории власти руководствовались умозрительным, выдуманным образом сельских жителей, так и не сделав попытку «действительно понять потребности селян, а сельские труженики так и остались для власти *terra incognita*» [15, с. 242].

И здесь я бы поспорил. Существует ли в истории нашей страны такая уж прямая хронологическая и причинно-следственная связь между теоретическими идеями сельского расселения и укрупнения колхозов и тем, что деревня обезлюдела и огромное количество сельских поселений исчезло с карты страны? Мне думается, что те самые «благие намерения» власти в

отношении деревни в начале 50-х гг. столь же причудливо переплетались с ожиданиями самих сельских жителей, как это было в нэповские 20-е гг. Тогда вследствие ряда особенностей деревенской политики партии (налогообложение с упором на «кулака», сильная культурно-пропагандистская политика) на уровне массового сознания сельчан складывалось представление о том, что вот он, наконец, пришёл долгожданный «мужицкий царь», и вот-вот в деревне всё сделается по уму: прекратится грабёж, уйдут в прошлое голода и т.п. Коллективизация, по-видимому, на первых порах многим и представлялась таким поворотом в политике, когда чисто по-русски, одним махом (в соответствии с такой ментальной особенностью, как страдное мироощущение) всё и решится. Мне уже приходилось в научной печати приводить аргументы и факты в пользу такого взгляда на вещи [19, с. 348-355] Когда стало понятно, что всё, мягко говоря, не совсем так, включились на полную мощь приспособительные реакции крестьян, выработанные веками и поколениями и работавшие чрезвычайно разнообразно – в соответствии с региональными и местными особенностями осуществления коллективизации. Причём такие местные особенности как, например, личность председателя колхоза порой имели решающее значение для судеб каждого конкретного колхозника [19, с. 380-404].

Вот так и в начале 50-х гг. Победа в жесточайшей войне и глубокое моральное убеждение, что народу, наконец, воздастся по заслугам с уровня государства составляли сильный психологический фактор готовности деревни к самым решительным переменам к лучшему в повседневном бытии. Кинофильмы типа «Кубанских казаков» и другие подобные пропагандистские мероприятия только усугубляли эту ситуацию. Поэтому когда Н.С. Хрущёв взял курс на возвращение долгов деревне, это не могло не восприниматься с пониманием. Рационализация производственной

(укрупнение) и расселенческой структуры на селе представлялись частью этого курса, верным политическим решением. А куда это поведёт деревню в долгосрочной перспективе, неведомо было ни представителям высших эшелонов власти, ни самим деревенским жителям. Первые, включая и самого Хрущёва, резонно, хотя и несколько прямолинейно полагали, что это должно обернуться серьёзным улучшением производственных показателей колхозно-совхозного производства. Вторым, кроме прочего, смутно представлялось решение множества бытовых и хозяйственных проблем по типу города. Тягу к бытовой устроенности, домам «со всеми удобствами» ни в коем случае нельзя сбрасывать со счётов. Когда, просматривая в сельском клубе прекрасные советские кинофильмы, сельский житель, помимо привлекательного сюжета из жизни образованных людей (чем-то смутно влекущей и манящей), ещё и видел неплохую в бытовом отношении жизнь в городских квартирах, это не могло не работать в сознании в поддержку планов партии на сселение неперспективных деревень. Очень сильно тема мотивации сельско-городской миграции звучит в фильме П.Г. Любимова «Женщины» (1966 г.), где съёмки в красивом и комфортном Ярославле наверняка работали у массового зрителя на стереотип привлекательности бытия в больших городах. А уж про фильмы о Москве и говорить не приходится. Это я могу сказать как потомственный житель подмосковной деревни (входившей, кстати, в состав вполне благополучного колхоза-миллионера «Ленинский луч», что не слишком препятствовало миграции в столицу местных жителей).

Поэтому я бы не стал столь категорично утверждать, что сельские труженики всё время оставались «для власти *terra incognita*» [15, с. 242]. Думаю, что Сталин и даже Хрущёв лучше представляли себе, кто живёт в советской деревне, чем принято считать в литературе последнего времени. Почему «даже Хрущёв»? Потому что он-то как раз, в отличие от Сталина,

обнаружил излишнюю увлечённость теоретической схемой в ущерб адекватному научному анализу сельской реальности. Просто такой вот взгляд на вещи: крестьяне как вечная *terra incognita* для власти – как бы априори предполагает, что есть кто-то, для кого это – *terra cognita*. Скорее, тут другое, что нашло, к примеру, отражение в заключительном диалоге романа Е.Г. Водолазкина «Лавр» между немецким купцом и одним деревенским жителем: *«Ты в нашей земле уже год и восемь месяцев, отвечает кузнец Аверкий, а так ничего в ней и не понял. А сами вы её понимаете, спрашивает Зигфрид. Мы? Кузнец задумывается и смотрит на Зигфрида. Сами её, конечно, тоже не понимаем»* [20, с. 441]. Более обоснованной может быть такая постановка этого вопроса: власти и сельские жители (кстати, тут уровень взаимопроникновения достаточно высок, хотя работает национальный феномен «из грязи да в князи») в 50-е гг. втянулись в обоюдный процесс, связанный с сельским расселением, действуя на каждом конкретном этапе этого процесса по собственным соображениям, убеждениям и побуждениям. Возможно ли общее осмысление сути и содержания этого процесса? Вероятно, да. Но такое осмысление – тоже длительный процесс, важными составляющими которого должны стать преодоление стереотипов прогрессизма и включение в анализ регионального и местного разнообразия анализируемой исторической реальности.

Другой сибирский исследователь, старший коллега и учитель О.В. Усольцевой известный томский историк С.И. Толстов в одной из прекрасных своих работ последнего времени также использует латынь, но предлагаю оценить контекст: «Сегодня проблема исчезновения деревень становится особенно актуальной. Применительно к Сибири речь идёт не только о человеческом инстинкте самосохранения, но и о территориальной целостности государства. В контексте международного права нашей политической элите приходится искать контрдоводы в притязаниях

“глобализаторов” на эти регионы как на *terra nullius* (ничейная земля)» [21, с. 44-45]. Под таким углом зрения вопросы истории сельских поселений регионов Сибири, как, впрочем, и других территорий современной РФ, выглядят более чем актуально. В современные жаркие споры между сталинистами и антисталинистами вплетается и этот сюжет: сколько таких *terra nullius* было заселено крепкими хозяевами из Центра и других регионов России, испытывавших нараставшее аграрное перенаселение. Причём с этой проблемой перенаселения и малоземелья оказалось невозможно справиться ни организацией переселений в конце XIX в., ни энергичной политикой в этом направлении столыпинских реформаторов.

Об этом как об особом социально-историческом явлении говорил в своё время М.Л. Левин на семинаре «Современные концепции аграрного развития» при обсуждении концептуального содержания его монографии «Русские крестьяне и Советская власть»: «И ещё одна особая черта советского раскрестьянивания деревни состояла в том, что оно оборачивалось окрестьяниванием городов. Бурная урбанизация страны перед войной состояла в оседании в городах огромной, примерно 20-миллионной массы крестьян. Города не были подготовлены к таким масштабам миграции. А потому это был не только бурный рост, но в течение некоторого времени не менее бурный хаос, текучка, социальное столпотворение, которое способствовало углублению террористической системы сталинизма, реагировавшей на хаос, ею же созданный. Назовём эту ситуацию “магматической”: все социальные группы и классы перемещаются, никто не живёт на одном месте более 1-3 лет. Данные о стаже подтверждают, что огромная масса рабочих пришла на заводы недавно, их руководители – тоже. К причинам социальной текучки нужно, конечно, добавить и чистки. Результат демокритовский: всё течёт, в каком-то смысле общество оказалось “без корней”. А такое общество не может защитить себя. Для этого нужно

время, опыт, организация» [3, с. 310]. Отметим глубину проникновения великого историка в суть проблемы. В описанной исторической ситуации, которая в принципе известна, на фоне сохраняющихся исторических сельских поселений и структур расселения набирают силу новые тенденции, новые формы поселения и расселения. Нащупать во всём этом аналитически некие общие тенденции с целью опоры на эти тенденции в сознательной и планомерной разработке политического курса – задача чрезвычайной сложности. Тем не менее, она решалась в 30-е гг., а затем, в послевоенные годы, – с утроенной энергией.

Теоретические и практические результаты этой работы С.И. Толстов оценивает скептически: «Закончилось пирровой победой вторжение города в деревню, и в российском обществе всё больше осознаётся тупиковость урбанистического образа жизни. Зреет идея расселения городов, ставится вопрос о возрождении деревенской поселенческой структуры» [21, с. 44]. В годы «перестройки» и «постперестройки», либеральных реформ глобалистской направленности, новая идеология, сноровисто занявшая место прежней, осудила, что называется, чохом всё то, что в рамках научного коммунизма считалось научным постижением советского общества и его закономерностей. Под такое огульное осуждение и отрицание попало всё то интересное и полезное, что было сделано действительно компетентными и преданными своему делу учёными в области анализа истории сельских поселений и сельского расселения. То есть было отринуто многое из того, о чём здесь выше велась речь. Когда в этой связи категорически осуждалась сама постановка руководством КПСС вопроса о неперспективных деревнях – в интерпретации отечественного либерализма, едва ли не единственная причина обезлюдения и гибели сотен тысяч деревень, – это воспринималось общественным мнением с готовностью. Но когда на уровне практической политики место этого жупела заняла тоскливая формулировка «депрессивная

территория», стало понятно (тому, кто стремился к этому пониманию), что новая политическая идеология – не более чем очередная вариация на тему прогресса, и она столь же далека от стремления понять, что на самом деле происходит в деревне, с той лишь разницей, что на этот раз никаких «благих намерений». Дорого. Рынок сам всё отрегулирует.

С.И. Толстов из тех, кто всегда стремился к пониманию этого. И он в этой связи формулирует своё понимание ещё одного очень важного вопроса, что лично мне представляется вполне адекватным: «Крестьяноведческое осмысление исчезновения в советские годы деревень – хранительниц крестьянской идентичности должно содействовать разработке адекватного управляющего воздействия на намечающиеся практики с учётом исторического опыта. В этой связи крестьяноведческий, региональный и даже локальный подход не просто оправдан, а *наиболее целесообразен*» [21, с. 45. Курсив мой – В.Б.]. Мне не раз и не два приходилось писать об этом же в научной печати [см., напр.: 4, с. 5-25]. В подтверждение правомерности этого своего убеждения сибирский историк с большой любовью и с большим знанием подробностей приводит реконструкцию этапов исторической эволюции своей родной деревни Больше-Жирово Асиновского района Томской области. Он убеждён, что это – типологически представительная история, т.е. во многих старожильческих сибирских деревнях приблизительно сходной удалённости от областного и районного центров происходили сходные по сути своей процессы социально-экономической эволюции.

Используя поколенческий подход и методы социально-психологического анализа, он открывает для себя и для читателя, как работали все эти схемы рационализации и улучшения условий жизни людей в качестве реального и очень действенного фактора повседневной жизни односельчан. Ему любопытно, какие формы поведения и приспособления

практиковали люди, какими соображениями руководствовались, принимая решение, к примеру, о том, чтобы покинуть «малую родину», в каких формах удерживали и удерживают связь с родным местом. В анализируемой работе отчётливо звучит горечь в связи с бездумностью многих управленческих и расселенческих схем, которые навязывались больше-жировцам «сверху». Однако не таков С.И. Толстов, чтобы ограничиться горькими обличениями, он далёк от того, чтобы, подобно многим коллегам-историкам сегодня, бросать камни в советское прошлое. Он стремится понять, как, с какими последствиями, мероприятия властей воздействовали на содержание повседневной жизни больше-жировцев и как последние своими реакциями фактически форматировали эти мероприятия, оставляя на практике не многое от изначальных планов и намерений. Это, кстати, и есть то, что сейчас принято называть крестьяноведческим подходом в историко-социологическом анализе.

Своему анализу содержания этапов аграрных преобразований 50-х – 80-х гг. и преломления каждого из них в судьбах жителей Больше-Жирова С.И. Толстов предпосылает историческую справку, позволяющую расположить село в рамках определённой типологии. Типология незамысловата, но вполне логична для исследователя сибирской деревни. Исторически сложившиеся в регионе типы русских деревень могут быть подразделены на старожильческие (образовавшиеся до реформы государственной деревни графа П.Д. Киселёва в 1837 г.), новопереселенческие (сложившиеся в рамках реализации этой реформы) и переселенческие (появившиеся после 1882 г., когда в России стала осуществляться государственная политика заселения окраин). К последним может быть отнесена и сеть спецпереселенческих посёлков, появлявшихся после операции по выселению «кулаков» из перенаселённых регионов России. Для анализируемого исследования важен тот факт, что Больше-

Жирово – старожильческое село, т.к. типологические особенности каждой из означенных групп сельских поселений Сибири достаточно характерны.

Исследователь начинает свои аналитические упражнения самым началом 50-х гг., когда в ходе реализации Постановления ЦК ВКП(б) от 30 мая 1950 г. «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» стал нарушаться принцип «одна деревня – один колхоз». По убеждению С.И. Толстова, к этому времени «российская деревня по-прежнему имела все основополагающие признаки традиционного крестьянского общества. Несмотря на то, что входившее в активную взрослую фазу жизни поколение людей родилось и получило воспитание уже при советской власти, культурный код хозяйственного поведения оно унаследовало у предшествующего поколения. В крестьянской среде по-прежнему доминировали демографически обусловленные потребности. Крестьянство, в частности в Сибири, в массе своей конформистски отнесшееся к необходимости организоваться в колхозы, реагировало на всякое навязываемое нововведение включением механизма адаптаций» [21, с. 47-48]. Далее описываются адаптации больше-жировцев к колхозному устройству своего социально-экономического бытия, анализ которых может быть экстраполирован на изучение деревенского бытия других регионов в это время. Без этого нельзя понять важнейшие сущностные характеристики колхозно-совхозного устройства аграрной экономики страны. Парадигмы обеих вариаций теории прогресса просто не дают это сделать, по той простой причине, что в них этих практик быть не должно: в научно-коммунистической парадигме предлагалось за чистую монету принимать тезис «планы партии – планы народа»; в антикоммунистической – народ должен был не приспособливаться, а противостоять, сопротивляться и т.п.

По меткому замечанию историка, к 1950 г. накануне реформационной чехарды «колхоз имел оптимальный размер, при котором каждый крестьянин

мог охватить его своим воображением, и поэтому колхозник смог сохранять свою крестьянскую самоидентификацию и дееспособность» [21, с. 48]. Исследователь стремится проследить на каком этапе того аграрно-реформаторского зуда и в силу стечения каких обстоятельств произошёл коренной перелом в логике адаптационного поведения жителей деревни, когда деревня исчерпала возможность адаптироваться к «благим намерениям» сверху и стала складываться «тенденция маргинального приноравливания к навязываемым условиям жизни» [21, с. 54], имевшая одним из своих проявлений алкоголизацию деревенской жизни. В силу бездумного рефлекторного удара сверху по ЛПХ на рубеже 50-х – 60-х гг. в крестьянском хозяйстве сложился избыток трудовых ресурсов, что стало одним из факторов урбанизационного перекоса.

Подвергая историческому анализу последующие аграрные реформы и их воздействие на жизнь односельчан, С.И. Толстов полон сдержанного оптимизма относительно будущего сохранившихся исторических сельских поселений, включая Больше-Жирово. Оптимизм этот основан на глубоком убеждении в неизбежности в ближайшем будущем восстановления в тех или иных формах поселенческой структуры села. Перекос в сторону урбанизации должна поправить сама история. «Крестьяне, тотально наполнив в эпоху социализма города, – пишет он, – в каком-то смысле окрестынили их в социокультурном плане. В этой связи имеет значение восстановление деревенской поселенческой структуры как составной цивилизационной части России. Сойти с исторического крестьянского маршрута было бы благонамеренным идиотизмом. Оправдано некоторое возвращение на исторические исходные рубежи, когда деревня самонастраивалась в условиях индустриального общества» [21, с. 46]. Укоренённость сельского образа жизни в менталитете современных граждан РФ, похоже, оказалась недооценённой как в советской историографии, так и в постсоветской

либерально-общечеловеческой. Сельские поселения в процессе современного восстановления и возврата к сельскому образу жизни должны всё более из объекта манипулирования превращаются в объект изучения и осмысления. А традиции такового осмысления в отечественной гуманитарной науке – богатые.

В настоящее время О.В. Усольцева и С.И. Толстов продолжают развивать эти традиции, осуществляя кропотливую работу по составлению истории сёл и деревень Томской области. На сегодняшний день выявлено около трёх тысяч сельских населённых пунктов, существовавших на территории Томской области в период с 1939 по 1989 гг. Это практически исчерпывающий список населённых пунктов, которые в этот период существовали на территории области (так как исчезновение деревень в XVIII-XIX вв. было очень редким случаем). Составлена сводная таблица этих сельских населённых пунктов с указанием численности населения в них в 1939, 1951, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Также в таблице указана перспективность многих из этих сельских населённых пунктов, для чего использованы проекты районных планировок 1970 и 1978 гг. Получающаяся в ходе этой работы картина недавнего прошлого может стать фактором эволюции сельских районов области в ближайшем будущем. В планы исследователей входит также изучение более раннего периода аграрной истории региона, с начала XVII в.

1. Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. Выпуск 1. М.: Профиздат, 1990. С. 11-27.
2. Бабашкин В.В. «Парадная беднота» и другие участники коллективизации. Рецензия на книги: Гончарова И.В. Деревня Центрального Черноземья накануне «великого перелома». Орёл, 2013. 207 с.; она же. Деревня Центрально-Чернозёмной области: начало колхозного пути. Орёл, 2014. 249 с. // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки. 2015. М., 2015.
3. Shanin T. Orthodox Marxism and Lenin's Four-and-a-Half Agrarian Programmes: Peasants, Marx's Interpreters, Russian Revolution // Defining Peasants. Essays concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from them in the Contemporary World. Oxford, 1990.
4. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Под ред. В.В. Бабашкина. М., 2015.
5. Заславская Т.И. Избранное: в 3 т. Т. 1: Социальная экономика и экономическая социология. М., 2007; Т. 3: Моя жизнь: воспоминания и размышления. М., 2007.
6. Бабашкин В.В. Морально-аморальная экономика. Рецензия на книгу: Крестьянские жизненные практики. Россия, 1991-2012: [колл.монография] / В.Г. Виноградский, О.Я. Виноградская, А.М. Никулин, О.П. Фадеева. Саратов: Изд-во Саратовского института РГТЭУ, 2013. 168 с. // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки. 2014. С. 353-361.
7. Челинцев А.Н. Региональность как центральный вопрос сельского хозяйства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ. / Сост. Т. Шанина; Под ред. А.В. Гордона. М., 1992. С. 169-171.

8. Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861-1914. М., 2006.
9. Челинцев А.Н. Сельскохозяйственные районы Европейской России как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1910.
10. Бельчич Ю.В. «Труд, востребованный родиной» // Россия и современный мир. 2003. Июль. № 3. С. 170-179.
11. Ковалёв С.А. Об экономико-географическом положении сельских поселений и его изучении // Вопросы географии. Сб. 41. М.: Географгиз, 1957. С. 134-176.
12. Ковалёв С.А. Избранные труды. Смоленск, 2003.
13. Социально-демографическое развитие села: региональный анализ / Под ред. Т.И. Заславской и И.Б. Мучника. М. 1980.
14. Никулин А.М. Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему. М., 2014.
15. Усольцева О.В. Управление сельским расселением в СССР в 1950 – 1980-е годы сквозь призму методологических подходов Дж. Скотта (на материалах Томской области) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки. 2013. М., 2013. С. 233-242.
16. Scott J.C. Seeing like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. Yale University Press, 1998.
17. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни: Пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. М., 2005.
18. Бабашкина Н.В. Белгородские аграрные реформы в свете идей А.В. Чаянова // Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация: Сб. науч. Статей; под общ. ред. А.М. Никулина. М., 2012. С. 64-75.

- 19.Бабашкин В.В. Россия в 1902-1935 гг. как аграрное общество: опыт применения концептуальных подходов современного крестьяноведения. Саарбрюкен, 2011.
- 20.Водолазкин Е.Г. Лавр. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015.
- 21.Толстов С.И. Крестьянская идентичность в колхозно-совхозной деревне Сибири // Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация: Сб. науч. Статей; под общ. ред. А.М. Никулина. М., 2012. С. 44-63.